

УДК 32.01

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Г. М. Барашков

Саратовский государственный университет
E-mail: eternity65@yandex.ru

В статье рассматривается становление институтов гражданского общества в современной России, их специфика, функциональная особенность и влияние на политические процессы исследуемого периода.

Ключевые слова: гражданское общество, российский опыт демократизации, институты гражданского общества, российская специфика гражданского общества, особенности функционирования гражданского общества в России.

Functional Features of the Institutions of Civil Society in Modern Russia

G. M. Barashkov

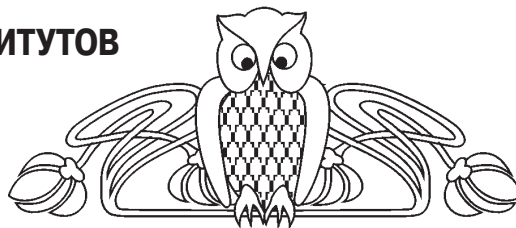
This article discusses the development of institutions of civil society in modern Russia, their specificity, functional feature and influence on the political processes of the investigated period.

Key words: civil society, Russian experience of democratization, institutions of civil society, Russian peculiarities of civil society, functional features of civil society in Russia.

Идея гражданского общества обрела особую актуальность в условиях посткоммунистического пространства, где радикальные преобразования привели к активному поиску ценностных ориентиров. Идея гражданского общества должна была прийти на смену коммунистической идеологии как некая ценность (ориентир), которая заложила бы некую парадигму взаимоотношений и взаимодействий власти и общества. И, собственно говоря, здесь начинаются определенные проблемы, имеющие как теоретическую, так и практическую плоскость.

Во-первых, идея гражданского общества не имеет надлежащего концептуального оформления, поэтому не сложился тот уровень метатеории, который бы обеспечивал аксиоматический подход к рассматриваемой проблеме. Вероятно, этим объясняются утверждения, что идея гражданского общества была всего лишь регулятивной нормой в канун буржуазных революций и не больше, а само гражданское общество оформляется только в эпоху раннеиндустриального этапа, чтобы уже во второй половине XIX в. трансформироваться в массовое общество и прекратить свое существование¹.

Другие авторы полагают, что идея гражданского общества никогда не обретала своего определенного состояния. Она никогда не выходила за рамки некоего идеала².

Третьи ученые пытаются рассматривать данный феномен в абсолютном отрыве от института государства, определяя гражданское общество как «ту ткань нашей совместной с другими жизни, которая для своего поддержания не нуждается в государстве, поскольку создается за счет низовых инициатив», опираясь на рынок и общественность³.

Есть и те, кто высказывает мысль о том, что феномен гражданского общества, являясь творчеством и продуктом эпохи Нового времени, продолжает существовать и ныне, претерпевая исторические модификации⁴.

Исследование этого феномена и многообразие взглядов на его сущность и перспективу сопряжено с попыткой решить проблему взаимосвязи и взаимодействия государства и гражданского общества, выявить правовое пространство этой взаимосвязи, определив статус государства и гражданского общества в системе общества.

Нет единого ответа и на вопрос, что есть гражданское общество в условиях XXI в., времени постмодерна, формирования постиндустриального общества и поиска новой модели развития в условиях глобальных кризисов.

Возникает вопрос: применимо ли понятие «гражданское общество» к России? Одни видят основу российского гражданского общества в крестьянской общине, православной идеологии, соборности дооктябрьского периода. Другие считают, что гражданского общества в пространствах Российской империи и СССР никогда не существовало, для этого не существовало никаких предпосылок, и его нужно создавать впервые. Если же создавать впервые, то либо используя опыт Запада, либо опираясь на традиции с учетом российских условий.

Вместе с тем из множества дискуссионных моментов, встречающихся в трактовке содержания гражданского общества, диапазон которых колеблется от полного отрицания его эффективности в качестве конкретной модели социально-политической практики до некоторых частных моментов его понимания, для современной России, по нашему мнению, особый интерес представляют вопросы, связанные со способностью российского общества к самоорганизации и автономизации от государства, с выявлением субъектов, формирующих гражданское общество, с применимостью

западной модели гражданского общества для воплощения в России, с выяснением характеристик современного типа гражданского общества – то есть того круга проблем, которые имеют огромное политическое значение для будущего страны.

Иными словами, проблематика гражданского общества в ином социокультурном контексте предполагает анализ фундаментальных вопросов, фиксирующих специфику российской цивилизации, обращающихся к институциональным основаниям гражданского общества в современной России и, наконец, актуализирующих проблемы «разрыва–преемственности» между дореволюционной Россией и Советским Союзом, Советским Союзом и постсоциалистической Россией. Без их анализа вряд ли возможно продуктивное рассмотрение ключевых вопросов состояния российского общества в настоящей момент, поскольку элементы гражданского общества всегда вырастают на базе тех институтов и принципов общежития, которые складываются в традиционных сообществах и имеют многовековую историю. Именно культурно-цивилизационное своеобразие обществ, определяемое той или иной устойчивой доминантой ценностей, непосредственно влияет на весь смысл жизнедеятельности человека и отражается в повседневной деятельности масс.

При таком подходе перспективу гражданского общества в России следует рассматривать не с позиций поверхностного западничества, а принципиально иначе. Она должна быть содержательно увязана с конкретной ситуацией и вместе с тем с национальными культурно-историческими традициями, в которых государство, эгалитаризм, предпочтение коллективу всегда были определяющими для национальной самоидентификации. И здесь можно согласиться с авторами, считающими, что на протяжении всей своей истории Россия развивалась в целом по «европейскому пути», хотя в этом процессе с самого начала проявились качественные особенности, связанные со спецификой русской культуры⁵. Гражданское общество тем самым не является для нас чем-то чуждым, скорее оно естественно и органично, но его конкретные формы, вне всякого сомнения, были иными, чем на Западе.

Обращение к своеобразию России является обращением не ради только самого своеобразия, скорее это попытка расширения возможных альтернатив выхода из системного кризиса сегодняшнего дня. Необходимо это также и для восстановления связи с национальным духом народа, его образом и строем жизни, вековыми социальными и политическими традициями. Нельзя пренебрегать базовыми, первичными структурами массового национального сознания, формирующими характер народа. Новая государственность в любом случае будет опираться на традиционные социокультурные и политические ценности общества. В каких формах это произойдет, будет

зависеть от всей совокупности разнопорядковых факторов как прошлого, так и настоящего.

Политическое развитие современной России показывает, что механическое перенесение западных экономических и политических структур на иную социокультурную почву ведет лишь к деградации социальных отношений, дезорганизации социальных субъектов, резкому обострению существующих и порождению новых социальных противоречий и в конечном счете к снижению качества мотивации любой человеческой деятельности. Всегда существует прямая зависимость развития общества от совокупности социальных институтов, сформировавшихся в ходе его многовековой эволюции и придающих той или иной стране неподражаемое своеобразие. В связи с этим перспектива гражданского общества в России должна рассматриваться не с позиций теоретического монизма, как это обычно происходит сейчас, а совершенно иначе. Она должна быть содержательно увязана с конкретной ситуацией и вместе с тем с цивилизационной органикой России, а не проявляться в попытках массовой инфильтрации западных институтов гражданского общества, да к тому же еще во многом и в их иллюзорно-утопическом варианте.

Вместе с тем в настоящее время основная задача заключается в формировании такого типа гражданского общества, который был бы адекватен и современной эпохе. Именно этим должны определяться способы преобразования России. На наш взгляд, реалистический учет объективных тенденций мирового развития не требует разрушения собственных цивилизационных основ, скорее, наоборот, в них на институциональном уровне должны быть проведены преобразования, соответствующие современным техническим и организационным достижениям Запада. И это вполне возможно, поскольку опыт ряда государств (Японии, Китая, Индии, стран Латинской Америки и др.), которые отвергли вестернизацию, но, тем не менее, модернизируются, превратились в современные общества, свидетельствует о том, что сохранение своей цивилизационной самобытности не препятствует эффективному экономическому развитию⁶. А в нашем случае сложившаяся критическая ситуация во многом обусловлена именно нашим неумением или нежеланием совместить необходимую модернизацию основополагающих факторов социальной жизни с национальными особенностями российской культурно-исторической традиции.

Условия зарождения гражданского общества в России отличались от аналогичных процессов на Западе. На формирование гражданского общества в России, на ее культурно-цивилизационное многообразие влияли следующие факторы.

Во-первых, большие географические пространства, экстенсивный способ их освоения в неблагоприятных климатических и природных условиях предопределили низкий уровень

цивилизированности и социокультурного мироустройства⁷. Во-вторых, социальная эволюция осуществлялась по принципу «сильное государство – слабое общество», общество оказалось не в состоянии ограничить политическую власть. Доминантной формой социальной организации стала государственность, что изначально формировало соответствующее нормативно-ценностное пространство. В-третьих, это наличие института «власть – собственность», когда власть над людьми сочетается с властью над собственностью, что сближало Россию с восточным социально-политическим устройством. В-четвертых, это неразвитая городская культура и неоформленный городской образ жизни, соответственно, большой удельный вес субкультуры простолюдинов, то есть людей, лишенных индивидуально-субъективного начала, не способных и не желающих отвечать на вызовы меняющихся обстоятельств. Их отличительный признак – неприятие таких проявлений личности, как свобода, достоинство, собственность⁸. В-пятых – неразвитость рынка в условиях господства крестьянской общины и подавляющей доли крестьян в составе населения и, соответственно, недостаточное развитие частной собственности, стимулов сельскохозяйственного труда, предпринимательства. Даже с отменой крепостного права при несомненном оживлении хозяйственной жизни община продолжала сковывать инициативу подавляющего большинства населения.

Эти российские особенности следует сопоставлять с цивилизационными и упущенными альтернативами, в том числе с возможностями формирования гражданского общества. На наш взгляд, эти возможности относились в большей степени к XX в., чем веку XIX, в котором был проделан путь, вполне адекватный ситуации пореформенной России. А уже с 17 октября 1905 г. появилась принципиальная возможность для России стать конституционной монархией, но эта альтернатива не реализовалась. Реформы П. А. Столыпина заложили возможность «размышления» общины, препятствовавшей становлению гражданского общества, но и им не суждено было реализоваться в полной мере.

После Октябрьской революции в политической сфере стала доминировать большевистская партия, а затем советское государство во всех сферах общественного бытия. Этатизм и идея классовой борьбы вытеснили идею гражданского общества, а формализация общественной жизни и отсутствие гарантий личных прав и свобод нанесли по ней ощутимый удар.

Кризис коммунистических режимов в конце 80–90-х гг. XX в. привел к обновленному интересу к возможностям гражданского общества противостоять тоталитаризму сначала у диссидентов, затем у политиков и теоретиков из числа разочаровавшихся марксистов. Для одних это был рецидив индивидуалистического и конституционного либерализма, для других – признание

превосходства свободного рынка над централизованной плановой экономикой. Популярность идеи в странах бывшего коммунистического мира способствовала ее общему ренессансу во всех странах либеральной демократии или движущихся в этом направлении.

Ситуацию в странах Центральной и Восточной Европы с точки зрения идеи гражданского общества наиболее полно выразил Е. Шацкий. По его мнению, отрицание коммунизма и поиск альтернативной позиции явились естественным источником симпатий к либерализму, который в странах реального социализма появился сначала как своего рода коммунизм наоборот, иначе говоря, как своеобразный свод принципов, противоположных официальной идеологии и бывших, по сути, негативами коммунистических реалий. Свобода понималась как противоположность повсеместным запретам и ограничениям, права человека и гражданина как противоположность господствующему этатизму, рынок как противоположность плановой экономике и т. д.⁹ Ключевыми в оппозиционных ценностях были две идеи – автономия личности и гражданское общество.

Интерпретация идеи автономии личности была связана не с оппозицией личности к обществу, а с оппозицией личности к государству, поскольку считалось, что в условиях социализма индивид подвергается давлению в первую очередь со стороны государства. Поэтому индивид стремился найти поддержку в обществе, которое, по его мнению, также находилось в оппозиции к государству. Но этот подход весьма серьезно отличался от западного понимания свободы личности, где ее уверенно связывали последние столетия с расширением частной сферы¹⁰.

Обращение к идее гражданского общества также было вполне естественным, поскольку либерализм основывается на различении государства и общества, различении, которое и отражает большинство современных концепций гражданского общества. По мнению Е. Шацкого, понятие «гражданское общество» далеко не случайно стало главным оппозиционным лозунгом и приобрело популярность именно в 80-е гг. XX в., когда оно распространилось под самыми разными названиями: «независимая культура», «параллельные структуры», «альтернативное общество» и др.

Таким образом, понятие «гражданское общество» было введено в обращение как само собой разумеющееся, и им стали пользоваться, по мнению Е. Шацкого, как определением не то цели, к которой следовало стремиться, не то наиболее ощутимых результатов оппозиционной деятельности, не то любых, сохранивших независимость от государства отношений и структур. Иногда подчеркивалось, что пока коммунисты находятся у власти, «гражданское общество неизбежно обречено оставаться реальностью для меньшинства, иногда проявлялась тенденция к отождествлению его с обществом как таковым...»¹¹

Данная смысловая неоднозначность была связана с использованием понятия прежде всего в пропагандистских, а не аналитических целях. Это имело своим следствием значительную неопределенность термина, что проявлялось в отсутствии четкой границы между описательным и нормативным аспектами. В конечном итоге, как пишет Е. Шацкий, понятие гражданского общества, получившее признание в Восточной Европе, опиралось на какие-либо классические теории либерализма только в той их части, в которой слово «civil», в отличие от своего первоначального значения, получает принципиально «общественное» содержание и перестает быть синонимом слова «political». В данном случае речь идет не только о различии гражданского общества и государства, но и о весьма решительном их противопоставлении¹². И более того, «идея гражданского общества появилась в Восточной Европе прежде всего как идея антигосударственная», и в этом ее принципиальное отличие от западной ситуации, где возврат к идее гражданского общества также имел антиэтатистский характер, но не включал в себя восприятие государства как по сути своей враждебное и чуждое обществу. По мнению Е. Шацкого, без понятия «оппозиция» такого рода обществу вообще невозможно дать определение, поскольку мерой его развития является степень выраженности и многогранности этой оппозиции¹³.

Таким образом, теоретические представления, которые получили распространение в бывших социалистических странах, имели принципиальные особенности, касающиеся понимания самой сущности гражданского общества, его взаимодействия с государством, и тем самым серьезно отличались от западноевропейских концепций. Противопоставление гражданского общества и государства основывалось на вытекающем из теории тоталитаризма убеждении, что социалистическое государство проникает во все сферы жизни и тем самым уничтожает гражданское общество, а поэтому борьба за возрождение гражданского общества является борьбой с тоталитаризмом.

В конечном итоге все это оформилось как принципиальные различия между западно- и восточноевропейскими идеями гражданского общества. Во-первых, еще до появления концепции гражданского общества на Западе произошла Реформация, которая привила индивидам «контрольные механизмы» и сформировала основу эмансипации личности. Во-вторых, на Западе гражданское общество, по мнению большинства специалистов, было уже в течение нескольких веков некой данностью, естественной средой социального взаимодействия. В Восточной Европе гражданское общество появилось как идеологическая конструкция, в которой речь шла о создании нового морального и общественного порядка, но экономическая база которого, тем не менее оставалась в высшей степени туманной. Поэтому

можно говорить о причинах ограниченности идеи гражданского общества в этом регионе, которых, по мнению Е. Шацкого, было три: во-первых, непонимание характера отношений между гражданским обществом и государством; во-вторых, недостаточное развитие взглядов на экономическую базу гражданского общества; в-третьих, чрезвычайная расплывчатость представлений о более справедливом обществе, а также весьма условные представления по проблемам представительства и согласования разнородных интересов, неизбежно существующих в обществе с развитой социальной дифференциацией¹⁴.

Данные обстоятельства не позволяют классифицировать идею гражданского общества в Восточной Европе как либеральную и без каких-либо оговорок отнести к тому или иному теоретическому западному образцу, хотя, конечно, эти взгляды вполне укладываются в рамки западной либеральной традиции, но одновременно во многом и не совпадают с ней.

Своеобразие восточноевропейской идеи гражданского общества последней четверти XX в. отмечается и в более широком контексте теорий «демократического транзита» с их ключевыми понятиями «переход к демократии» и «закрепление демократии». В рамках этого подхода происходящее в постсоциалистических странах трактуется как одно из проявлений современной общемировой тенденции к демократизации.

Становление гражданского общества в современной России происходило в уникальной исторической ситуации: исчерпанность советской модели организации социума выражалась в процессах его самораспада. Облик гражданского общества складывался в начале 1990-х г. под воздействием адаптировавшихся к новым реалиям старых советских структур, выпадения из социальных отношений большого количества людей и разного рода тенденций, структурирующих новый тип социума. В этой связи анализ функциональных особенностей институтов гражданского общества в России предполагает рассмотрение развития и современного состояния политических партий и групп интересов, а также общей эволюции принципов взаимодействия данных институтов и государства в процессах выработки публичной политики.

В своем развитии современные политические партии в России прошли три основных этапа:

- 1) становление политического плюрализма в СССР и соответственно России до развала СССР (1986–1991 гг.);
- 2) формирование политических партий в процессе электоральной борьбы (1992–1999 гг.);
- 3) превращение политических партий в политико-административных агентов государства (с 2003 г.).

Становление политического плюрализма в СССР началось в период перестройки с середины 1980-х гг., которая позволила возникнуть ряду

групп, сыгравших впоследствии существенную роль в формировании политических партий. На этом этапе можно выделить четыре основных тенденции.

Во-первых, диссидентские группы не сыграли той роли, которую подобные группы имели в Центральной и Восточной Европе периода третьей волны демократизации. На формирование политического плюрализма в СССР большее влияние оказали так называемые «неформальные группы», активная деятельность которых пришлась на вторую половину 1980-х гг. В 1986 г. в Москве и Ленинграде возникли первые неформальные клубы, еще провозглашавшие социалистические лозунги, но уже противостоявшие официальной коммунистической идеологии. Объединение ряда клубов в региональные народные фронты, а затем в Народный фронт РСФСР создало условия для активной оппозиционной деятельности на выборах в Советы в 1989 и 1990 гг. По новому Закону о выборах объединения избирателей, основу которых зачастую составляли эти клубы, получили право выдвигать в избирательных округах своих кандидатов, соперничавших с кандидатами от «блока коммунистов и беспартийных».

Во-вторых, консолидация демократических сил происходила и в рамках Съезда народных депутатов СССР, состоявшегося в 1989 г. Здесь сформировалась влиятельная и активная межрегиональная депутатская группа, лидером которой стал главный оппозиционер и будущий Президент России Борис Ельцин.

В-третьих, в конце 1980-х гг. возникли первые политические организации, которые называли себя партиями, такие как Христианско-демократический союз, Союз конституционных демократов, Конфедерация анархо-синдикалистов (1989), Демократическая партия России, Социал-демократическая партия РФ (1990) и др. Возможность легальной деятельности этих организаций как партий возникла после отмены ст. 6 Конституции СССР в марте 1990 г.

В-четвертых, процессы дифференциации происходили и в правящей еще КПСС. В 1990 г. в ней было сформировано объединение под названием Демократическая платформа в КПСС, деятельность которой привела к образованию ряда партий, например Республиканской партии.

После принятия новой Конституции в 1993 г. и связанными с этим изменениями в политической системе стала формироваться российская политическая система со множеством партий различной идеологической окраски, с доминированием левых сил.

Избирательный цикл 2003–2007 гг. существенно изменил партийно-политический спектр России. Роль доминирующей партии начала выполнять «Единая Россия», которая стала называться партией власти. Левые партии были значительно потеснены, а правым либеральным партиям – СПС и «Яблоку» – не удалось пройти в парламент.

Превращение партий в политико-административных агентов государства является характерной чертой современного этапа партийного строительства. Стоит согласиться с немецким исследователем Э. Шнайдером, который считает, что «было бы неправильно автоматически делать вывод о недемократичности Государственной Думы только на основании того факта, что две трети парламента поддерживают правительство... Тем не менее, с учетом того, что к президентскому лагерю следует отнести, по сути, все партии, кроме разве что КПРФ, да при этом принять во внимание, что «Единая Россия»... захватила должности председателей всех 29 комитетов (нередко также и первых заместителей председателя), оставив все остальные фракции без единого председательского кресла, то можно действительно задаться вопросом, является ли еще Госдума местом политического противоборства»¹⁵, или «местом для дискуссий». Хотя этот процесс неравномерен и в разной степени касается всех партий, тем не менее, ряд существенных характеристик отрыва партий от исходных интересов формирующегося гражданского общества заставляет говорить о том, что партийно-политическое общество в России все больше смыкается с государством.

Одним из факторов, подтверждающим данный тезис, является образование в канун выборов 2011 г. народных фронтов, прежде всего, конечно, ОНФ как наиболее многочисленного и созданного под патронатом власти. Власть ищет новые формы взаимодействия с обществом. Это объясняется тем, что старая модель построения гражданского общества в целом не вписывается в концепцию «вертикали власти» и вызывает лишние проблемы для власти. Но сделанные с высоких трибун заявления о необходимости построения в России гражданского общества и демократизации страны должны подкрепляться на практике, что, собственно говоря, и подталкивает власть на поиск модели гражданского общества в России, отвечающей текущему моменту. Создание таких объединенных фронтов должно создать определенную иллюзию тесного взаимодействия власти и общества, соучастия, взаимного интереса на благо общей цели. И именно через такие фронты власть может контролировать ситуацию и управлять ею, а общественные организации превратятся в филиал «Единой России». Таким образом, гражданское развитие происходит не через участие граждан в равноправном диалоге с органами государственной власти, а через процессы задаваемые и управляемые «сверху».

Более того, создание подобного рода объединений является признанием недееспособности или ограниченной дееспособности российских политических партий. Российская партийная система, а следовательно, и политическая система переживает серьезный кризис. Партии либо создаются по велению администрации президента, либо не могут быть зарегистрированными. Дей-

ствующие же партии, даже те, которые заявляют о своей оппозиционности, находятся под давлением властей, что, безусловно, сковывает их инициативу. Возможно, новый закон о политических партиях переломит данную негативную тенденцию.

Исследуя группы интересов в современной России, следует отметить, что они, так же как и партии, прошли три основных этапа:

1) возникновение и функционирование групп интересов в СССР (середина 1950-х – начало 1990-х гг.);

2) признание групп интересов в качестве легитимных субъектов политики и возникновение открытой межгрупповой конкурентной борьбы (начало 1990-х – 1999 г.);

3) ограничение группового плюрализма и превращение наиболее значительных групп интересов в политико-административных и социальных агентов государства (с 2000 г.).

СССР к середине 1950-х – середине 1960-х гг. в связи с либерализацией политического режима внутри властно-управленческого аппарата, вокруг различных его элементов (ведомств, отраслей, предприятий и т. д.) начали формироваться многочисленные партикулярные группы интересов.

Исследователь Г. Скиллинг полагал весьма важным изучение процессов артикуляции и агрегации интересов в условиях, когда советская политика уже не была направлена на революционное преобразование общества, однако автономная политическая мобилизация, свобода слова и свобода организаций отсутствовали. Он утверждал, что «индустриализация породила в Советском Союзе разнообразные организованные и не организованные интересы, взаимодействие которых на политической арене необходимо принимать во внимание при объяснении политической борьбы и ее исходов»¹⁷.

Другой зарубежный исследователь, Дж. Хог, подчеркивал, что в центре советского политического процесса лежал «бюрократический конфликт», участниками которого выступали специфические группы интересов – «комплексы», состоявшие из «специализированного партийного, государственного, общественного и научного персонала, работавшего в пределах соответствующих областей политики». К этим «комплексам» он причислял ведущие министерства и ведомства, полагая, что те в большинстве случаев действовали совместно с их «естественными союзниками» – подразделениями аппарата ЦК, контролировавшими их работу. Дж. Хог признавал, что «окончательная власть была сконцентрирована в высших органах Коммунистической партии». Тем не менее, он считал, что партийные лидеры не действовали «волюнтаристски», а в целом вынуждены были следовать советам специализированных комплексов в соответствующих их профилю областях политики. Ограничивая себя «посредничеством в конфликтах», которые возникали между данными комплексами, они практически делегировали ком-

плексам полномочия в выработке политических решений, оставляя за высшими органами партии лишь роль «заключительных арбитров»¹⁸.

В целом, можно сказать, что в СССР группы интересов оказывали существенное воздействие на процессы выработки государственной политики и формировались вокруг ведомственных и региональных административно-бюрократических структур. Среди наиболее влиятельных групп интересов в Советском Союзе исследователи выделяют как ряд отраслевых комплексов (военно-промышленный, строительный, горно-металлургический, топливно-энергетический, химический, аграрный, машиностроительный), так и несколько наиболее значимых региональных партийно-государственных групп (московская, ленинградская, украинская)¹⁹.

Признание групп интересов в качестве легитимных субъектов политики и возникновение открытой межгрупповой конкурентной борьбы происходит в начале 1990-х гг. и связано с политической (демократизация политической системы) и экономической (введение рыночных институтов) трансформацией российского общества.

Наиболее заметными в этот период становятся группы интересов, связанные с так называемыми «олигархами», интегрированными финансово-промышленными группами, крупнейшими банками и различными частями бюрократического аппарата²⁰. Социально-экономической основой для появления указанных групп интересов послужили особенности экономической реформы в современной России. В первую очередь, это номенклатурный характер отечественной приватизации, которая не только не размывала систему номенклатурно-бюрократического «рынка власти», но и закрепила взаимоотношения государства и вновь возникшего бизнеса на основе принципов бюрократического рынка с неразделенностью экономической и политической власти, а также перманентной конверсией власти в собственность и собственность во власть²¹. Данная система, будучи модифицированным вариантом советского административного рынка, привела к формированию привилегированных групп интересов, обладающих доминирующим влиянием на принятие важнейших политических решений. Такие группы возникли на основе экономической олигархии, сконцентрировавшей в своих руках весомую долю национального богатства, и наиболее организованных частей бюрократического аппарата, «приватизировавших» значительный административный ресурс государства²².

Доминирующее положение указанных групп интересов объяснялось как характерной для того периода десубъективизацией государства, так и слабым развитием массовых, не связанных с олигархическими и бюрократическими структурами групп интересов.

Анализируя в этой связи степень общественно-политической активности граждан и уровень

развития институтов гражданского общества в России в 1990-х гг., можно сказать, что, несмотря на сопоставимые с общеевропейскими показатели интереса к политике, количество россиян, участвовавших в общественно-политической деятельности, было крайне мало²³.

Исходя из вышесказанного, не вызывают удивления и низкие показатели развития третьего сектора в России в 1990-х гг. Несмотря на высокие цифры официальной статистики относительно негосударственных и некоммерческих организаций, реально вели активную деятельность небольшой процент этих организаций²⁴.

Большое количество партий, некоммерческих организаций в России в этот период не может считаться истинным индикатором состояния институтов гражданского общества. Большинство из них не обладало чертами подлинно гражданских ассоциаций и было отчуждено от основной массы граждан и формально представляемых ими социальных групп, не доверяющих им и не видящих в них защитников своих интересов²⁵.

Таким образом, слабость институтов гражданского общества, низкая социально-политическая активность граждан, отсутствие гражданской компетентности, неготовность большей части населения к продуктивному освоению демократических институтов и эффективным коллективным действиям с целью отстаивания своих интересов с неизбежностью способствовали доминированию наиболее организованных, привилегированных групп интересов, представляющих верхние страты российского общества в системе социально-политического взаимодействия. Стоит согласиться с выводом Р. Саквы о том, что в России того периода «сложная система элит подменила собой развитие гражданского общества»²⁶.

Современный этап развития групп интересов в России берет начало в 2000 г. и связан с реформами президента В. В. Путина и характеризуется превращением наиболее значительных групп интересов в политико-административные и социальные группы государства. Данный этап определяется тремя основными тенденциями.

Во-первых, становятся заметными укрепление российской государственности и ограничение возможностей функционирования и влияния бюрократических групп интересов. Данная тенденция нашла отражение в целом ряде политико-административных преобразований (консолидация центральных политико-государственных институтов, реформа федеративных отношений, административной реформы и т. п.) и ознаменовала собой отказ от прежнего типа лидерства, основанного на слабоструктурированном, внеинституциональном характере политического господства. Президент признавался в качестве центра принятия политических решений лишь благодаря роли арбитра в перманентном конфликте различных властных группировок. Конфликт генерировался постоянным противопоставлением разных политических

институтов. В такой форме воплощался принцип «сдержек и противовесов».

В. В. Путиным была принята новая модель политико-административного правления, в центре которой находился уже не столько «управляемый конфликт» разных частей государственного аппарата, сколько система иерархического подчинения основных политико-административных институтов президентской власти. Таким образом, указанная тенденция привела к интеграции на корпоративистских началах подавляющего большинства бюрократических групп интересов в единую властно-управленческую вертикаль во главе с президентом страны.

Во-вторых, влияние групп интересов крупного российского бизнеса на государственную политику претерпело ограничения и изменения. Данная тенденция проявилась в формулировании новых, неформальных правил взаимодействия бизнеса и государства, в соответствии с которыми большой бизнес должен:

- быть лоялен по отношению к государству;
- спонсировать экономические, социальные и политические проекты власти;
- принять на себя социальную ответственность за отрасли и регионы, где он доминирует;
- не поддерживать оппозицию²⁷.

Таким образом, в результате принятия этих правил произошло не только сокращение политического влияния групп интересов крупного бизнеса, но и фактическое включение данных групп на основе корпоративистских механизмов в действующую политико-административную вертикаль власти.

В-третьих, власть пытается включить в управленческую вертикаль массовые, не элитные группы интересов. Данная тенденция выразилась в создании сверху целого ряда институтов социально-политического взаимодействия (гражданские форумы, общественная палата и т. д.), цель которых состоит в инкорпорации наиболее влиятельных общественных организаций для их использования в качестве медиаторов государства в диалоге с обществом. Следовательно, предполагается, что все наиболее значительные массовые группы интересов будут интегрированы в сформированную в России политико-административную вертикаль власти.

Таким образом, современный политический режим России предполагает отход от плюралистической и возвращение к корпоративистской модели взаимодействия государства и институтов гражданского общества. И хотя принципы социально-политического взаимодействия за последнее время существенно трансформировались, качественное состояние институтов гражданского общества не претерпело значительных изменений. На настоящий момент уровень развития указанных институтов в России все еще остается крайне низким по сравнению с ведущими демократическими странами мира. Данное обстоятельство определя-

ется такими фундаментальными факторами, присущими российскому обществу, как низкий уровень социального доверия и отсутствие эффективных навыков социальной самоорганизации²⁸.

Следует отметить крайне низкий уровень институционализированных форм социально-политического участия граждан в деятельности политических партий, профсоюзах, общественных и религиозных организаций, органов местного самоуправления. Среди основных причин общественной и политической пассивности россиян доминируют такие, как занятость своими делами и уверенность в том, что их общественная деятельность не будет результативной. К негативным факторам, влияющим на гражданскую активность граждан, относятся разобщенность, отсутствие взаимопомощи и сопричастности.

В заключение можно констатировать, что уровень развития институтов гражданского общества и их функциональность в современной России являются явно недостаточными. Не имеет однозначного ответа вопрос, каким образом может сказаться ограничение политического плюрализма, характерное для современного политического режима, на развитии институтов гражданского общества в России? С одной стороны, пресечение чрезмерного влияния привилегированных элитарных групп интересов создает некоторый простор для самоорганизации не элитных групп общества, что делает систему социально-политического взаимодействия более сбалансированной. С другой – все более закрытый, властноцентрический характер данной системы не способствует деятельному включению различных социально-политических сил в процессы выработки государственной политики и сокращает возможности эффективного социально-политического взаимодействия.

Примечания

- ¹ См., напр.: *Селигман А.* Проблема доверия. М., 2002. С. 71.
- ² См.: *Хабермас Ю.* Философский дискурс о модерне. М., 2003. С. 65.
- ³ См.: *Дарендорф Р.* После 1989. Мораль, революция и гражданское общество. М., 1998. С. 89.
- ⁴ См.: *Голенкова З. Т.* Гражданское общество в России // Социс. 1997. С. 26.
- ⁵ См., напр.: *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII– начало XX в.): в 2 т. Т. 2. СПб., 2000. С. 287.
- ⁶ См., напр.: *Шестов Н. И., Барашков Г. М.* Гражданское общество и его аналоговые формы // Изв. Саратов. ун-та. Нов. серия. 2011. Т. 11. Сер. Социология. Политология, вып. 4. С. 71–78.
- ⁷ *Соловьев В. Н.* Условия формирования гражданского общества в России. М., 2008. С. 18.
- ⁸ Там же. С. 19.
- ⁹ См.: *Шацкий Е.* Протолиберализм : автономия личности и гражданское общество // Полис. 1997. № 5. С. 69.
- ¹⁰ Там же. С. 78.
- ¹¹ Там же. С. 83.
- ¹² Там же. С. 84.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же. С. 85.
- ¹⁵ *Шнайдер Э.* Россия после выборов // Вестник аналитики. 2004. № 2. С. 10.
- ¹⁶ О внесении изменений в Федеральный закон «О политических партиях» : федер. закон от 2 апреля 2012 г. № 28-ФЗ // Рос. газ. 2012. № 73. 4 апр.
- ¹⁷ Цит. по: *Бреслауэр Дж.* В защиту советологии // Современная сравнительная политология : хрестоматия. М., 1997. С. 267.
- ¹⁸ См.: *Гражданское общество : истоки и современность* / науч. ред. И. И. Кальной. СПб., 2006. С. 196.
- ¹⁹ См.: *Лепехин В.* Лоббизм. М., 1995. С. 3–24 ; Лоббизм в России : Этапы большого пути. М., 1995. С. 10–14.
- ²⁰ См.: *Гаман-Голутвина О. В.* Бюрократия или олигархия? // Куда идет Россия? Власть, общество, личность. М., 2000. С. 162–172 ; *Кива А. В.* Российская олигархия : общее и особенное // Общественные науки и современность. 2000. № 2. С. 18–28 ; *Лепехин В. А.* От административно-политической диктатуры к финансовой олигархии // Общественные науки и современность. 1999. № 1. С. 66–82.
- ²¹ См.: *Павроз А. В.* Генезис российской экономической олигархии (начало – середина 90-х годов) // Современные аспекты экономики. 2004. № 3 (54). С. 197–202.
- ²² См.: *Кордонский С.* Рынки власти : Административные рынки СССР и России. М., 2000. С. 45. ; *Найшуль В.* Высшая и последняя стадия социализма // Погружение в трясину. М., 1991. С. 31–62.
- ²³ См.: *Российское общество и радикальные реформы : Мониторинг социальных и политических индикаторов.* М., 2001. С. 153–156.
- ²⁴ *Якимов В.* Создание работающих механизмов социального взаимодействия – шанс для возрождения России // Профессионалы и сотрудничество. М., 2000. Вып. 4. С. 155–156.
- ²⁵ См.: *Гордон Л. А., Клопов Э. В.* Потери и обретения в России девяностых : в 2 т. М., 2000 ; *Дилигенский Г. Г.* Существует ли в России гражданское общество? // Поговорим о гражданском обществе. М., 2001.
- ²⁶ *Саква Р.* Режимная система и гражданское общество в России // Полис. 1997. № 1. С. 79.
- ²⁷ *Мухин А. А.* Новые правила игры для большого бизнеса, продиктованные логикой правления В. В. Путина. М., 2002. С. 4.
- ²⁸ См.: *Власть и народ в России : Обновление повседневных практик и варианты универсализации институционального порядка.* М., 2003. С. 13–18.